

Петров А.В.

заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Южно-Уральского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

МЕСТО ПОЛИЦИИ УРАЛА И СИБИРИ В СИСТЕМЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы становления полиции на Урале и Сибири в системе политических учреждений в начале XX века до революции и после.

История правоохранительных органов, в том числе полиции, на протяжении длительного времени привлекала внимание исследователей. Значение исследований, историко-правового анализа организации и деятельности полиции в различные исторические периоды обусловлено необходимостью эффективной организации и правовой регламентации деятельности современных правоохранительных органов.

Организация полиции России в начале XX в. получила отражение в работах многих ученых как до революции, так и после¹. Но в основном в работах освещаются проблемы организации и функционирования полиции в целом в России. Учитывая размеры Российской империи и действовавшее в то время законодательство, резонно предположить о различиях в организации и функционировании полиции в центре и на местах. Вместе с тем правопорядок необходимо было охранять в масштабах всего государства, и от слаженной деятельности полиции как в центре, так и в регионах во многом зависела судьба существовавшего строя. В связи с этим представляет научный интерес выявление места полиции Урала и Западной Сибири в системе полицейских органов Российской империи. Место органов государственной власти конкретного региона во многом определяется местом данного региона в государстве и его значением.

К началу XX в. территория России выросла до 22,2 млн. км². В административном отношении страна была разделена на губернии, генерал-губернаторства, области по 10-15 уездов

каждая². В стране по-прежнему основу социальной структуры составляли сословия. В экономическом отношении Россия конца XIX – начала XX в. характеризовалась переходом к индустриальному обществу. К 80-90 гг. XIX в. в государстве в основном завершился процесс буржуазной модернизации. Эффект от индустриализации оказался невысоким, что объяснялось следующими причинами. Изменения в индустриальном развитии государства в расчете на душу населения были крайне незначительны. Это, в свою очередь, было обусловлено ростом населения и увеличением свободных рабочих рук. Отставание законодательства также оказывало негативное воздействие, препятствуя формированию современных классов и усиливая поляризацию общества³.

Несмотря на ускоренное развитие промышленности, ведущим по удельному весу в экономике страны был аграрный сектор, 82% населения было занято в этой отрасли. В политической сфере постепенно сужалась социальная база самодержавия, росло недовольство властью среди населения. А.П. Ерошкин отмечал, что «сужение социальной базы царизма, сохранение пережитков крепостничества и прежде всего самого самодержавия и помещичьего землевладения в условиях империализма повлекло разложение правящих верхов»⁴. Следствием явилось нарастание противоречий практически во всех сферах общественной жизни, усиливались политическая и социальная напряженность, отражавшиеся отрицательно на жизни

¹ См., напр.: Гисси С.А. Дознание, его цели и способы производства: руководство для чинов полиции, волостного и сельского начальства. В 2-х частях. – Казань, 1878; В.В. Ивановский. Учебник административного права: Издание II, исправленное и дополненное. – Казань, 1907; Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер: Лекция. – М., 1976; Желудкова Т.И. Основные направления деятельности полиции дореволюционной России по охране феодального и буржуазного общественного порядка. – М., 1977; Борисов А.В., Дугин А.Н., Мальгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995; Некрасов В.Ф., Борисов А.В., Детков М.Г. и др. Органы и войска МВД России: краткий исторический очерк. – М., 1996; Рубцов С.Н. История российской полиции: Учебное пособие. – Иркутск, 1998; Борисов А.В., Иваневский В.Е., Скрипилев А.Е. Полиция Российской империи. Часть 2. Полиция России. XIX – начало XX вв.: Лекция для сотрудников ОВД. – М., 2000; История полиции России: Исторический очерк и основные документы: Учебное пособие. – М., 2001; Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв. – Челябинск, 2002 и др.

² Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России с древнейших времен до конца XX в.: Учебное пособие. – Издание второе. – М.: Право и закон, 2001. – С. 293.

³ Кураев А.Н. Россия в начале XX в. Крах царского самодержавия (1900 – 1917 гг.): Учебное пособие. – М., 2002. – С. 5.

⁴ Ерошкин А.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968. – С. 263.

населения и вызывавшие общее недовольство властью, развитие противостоящих власти политических партий и рост преступности. Так, в 1911 г. общими судебными установлениями в России было присуждено к различным наказаниям 92 981 человек, в том числе за убийство – 7517 (в 1904 г. – 2738 человек, то есть в 2,5 раза меньше); за кражи, святотатство и разрытие могил – 32 771 (в 1904 г. – 16 834); за преступления против телесной неприкосновенности – 9662 (в 1904 г. – 11 475); за преступления против порядка управления – 8177 (в 1904 г. – 6558); остальные 34 848 были осуждены за насильственное похищение имущества, оскорбление чести, преступления печати и т. п.

Не менее напряженной и сложной в начале XX в. была обстановка на Урале и в Западной Сибири, имевших важное значение для всего государства. Дореволюционный Урал включал в себя четыре губернии: Вятскую, Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую, причем Пермская губерния по площади была третья в России. В административном отношении уральские губернии делились на 34 уезда; уезды, в свою очередь, состояли из волостей. К началу 1914 г. на Урале насчитывалось 1194 волости (518 – в Пермской губернии, 324 – в Вятской, 198 – в Уфимской, 154 – в Оренбургской)⁶. Экономическое развитие Урала в большой степени было связано с развитием горно-заводской промышленности. В 1900 и 1907 гг. на долю уральских заводов приходилось соответственно 28,1% и 22,89% производства чугуна в России; 47,82% и 54,81% меди⁷. Несмотря на такие показатели, согласно данным 1910 г. по продаже металла Урал занимал господствующее положение только в районах Поволжья и Зауралья, так как в остальных регионах не мог эффективно конкурировать с заводами юга России. В начале XX в. в промышленности Урала стали наблюдаться кризисные явления. В 1901-1907 гг. число фабрично-заводских предприятий на Урале сократилось на 236. В результате закрытия заводов черной металлургии и свертывания добычи железной руды, заготовок топлива, золотодобычи произошло

сокращение численности рабочих в горнозаводской и горной промышленности⁸. Следствием было снижение уровня жизни рабочего населения. Тем не менее, накануне первой русской революции абсолютное большинство населения Урала (81,8%) было занято в сельском хозяйстве. Нерешенность аграрного вопроса и неурожаи начала XX в. отрицательно влияли на благосостояние сельского населения. В газете «Уральский край» в 1908 г. указывалось: «В Сарапульском уезде Вятской губернии нужда так велика, что открытых 15 столовых недостаточно; уездный комитет просит открыть еще 11 столовых. Необходима врачебно-продовольственная помощь и в Яранском уезде, для чего уездный комитет просит 10 000 руб. Оренбургский уезд поражается голодом уже третий год, все распродано и проедено; питаются лебедой с примесями. Нуждаются в немедленной помощи десятки тысяч; пришедшие в Оренбург ходяки заявляют, что люди ждут смерти. В Уфимской губернии пострадал особенно Белебеевский уезд, где голодают 102 200 крестьян...»⁹.

Однако доля сельского населения не умаляет значения рабочих в структуре населения. Е.И. Рябухин обоснованно указывал: «...В связи с развитием капиталистических отношений в деревне... разоряющаяся беднота уходила на заработки, вливаясь в состав наемных рабочих в горнозаводской и фабрично-заводской промышленности, в строительстве, на транспорте, в земледелии и других отраслях народного хозяйства»¹⁰.

Из всей совокупности крестьянских дворов, имевшихся на Урале, различными промыслами занимались в Вятской губернии – 74,5%; в Пермской – 69,1%; в Уфимской – 29,2%. То есть значительная доля населения была занята на различных заводах и фабриках¹¹. Начавшееся в конце XIX в. железнодорожное строительство вызвало быстрый рост населения. Так, имеющиеся статистические данные говорят о более интенсивном росте городского населения Урала, чем в среднем по 50 губерниям Европейской России. Городское население Урала за период с 1863 по 1914 г. росло почти в два раза быстрее, чем все

⁵Вестник полиции. – 1915. – №84. – С. 848.

⁶Рябухин Е.И. Большевицкие организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и упрочение ее связей с массами (1907 – 1914 годы). Часть первая. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1968. – С. 10-11.

⁷История Урала в период капитализма. – М., 1990. – 241-244.

⁸История Урала в период капитализма. – М., 1990. – 247.

⁹Уральский край. – 1908. – №7. – С. 3.

¹⁰Рябухин Е.И. Указ. соч. – С. 65.

¹¹Рябухин Е.И. Указ. соч. – С. 68.

население: если число горожан увеличилось за это время в 3,4 раза, то общая численность населения – лишь в 1,8 раза¹².

Промышленный кризис, коснувшийся значительной части населения, безработица, голод¹³ являлись причиной массовых стачек, выступлений, экспроприаций, которые впоследствии стали привлекать внимание радикальных политических партий и приобретать политический характер, увеличивали количество политических преступлений на Урале. С другой стороны, быстрый рост населения, в особенности его беднейших слоев, социальная и политическая напряженность создавали условия для роста общеуголовной преступности в крае. Указанные черты во многом были характерны и для Западной Сибири, которая включала в себя, согласно Сборнику узаконений и распоряжений, касавшихся обязанностей полиции, вышедшему в 1880 г., Тобольскую и Томскую губернии, а также Акмолинскую и Семипалатинскую области (последние в настоящее время относятся к Республике Казахстан)¹⁴, составлявшие в совокупности около 3 млн. кв. верст¹⁵, то есть около 13% территории государства.

Как и на Урале, в Западной Сибири рост населения также опережал среднероссийские показатели, и за период с 1858 по 1897 г. ее население удвоилось – с 2,7 до 5,8 млн. человек. Такое же удвоение произошло за последующие 17 лет – с 1897 по 1914 г., и накануне Первой мировой войны население Сибири составило уже 10 млн. человек. К 1914 г. только 10% сибиряков проживало в городах, и население в большинстве своем оставалось сельским. Управление затруднялось большим количеством инородцев, подавляющая часть которых не знала русского языка.

Экономическое развитие региона обеспечивалось значительным количеством горных рудников, золотых приисков, а также маслоделательных предприятий. Так, в Томской губернии в связи с ростом населения наблюдался и рост торгово-промышленных предприятий, число которых за 1911 год достигло 20 955 с оборотом свыше 134 млн. руб.¹⁶ Однако о полном благополучии региона говорить нельзя.

Исключительно высокие темпы прироста населения Сибири в первое десятилетие XX в. обеспечивались прежде всего за счет массовых крестьянских переселений в результате Столыпинской реформы. По демографическим подсчетам, естественный прирост населения в Западной Сибири в данный период составил 1,5 млн. человек¹⁷. Резкому ускорению переселенческого движения в Сибирь способствовало строительство Транссибирской магистрали. С 1906 по 1910 г. в Западную Сибирь ежегодно направлялось более 300 тыс. человек. Однако весьма ощутимым был и отток переселенцев – около 20% общей численности переселенцев¹⁸.

Прирост населения осуществлялся также за счет уголовных и политических ссыльных, которых в западно-сибирских губерниях в начале XX в. числилось до 100 тыс., из которых менее 27% оставалось на местах временного поселения. Это вызывало серьезное внимание к управлению в западносибирских губерниях¹⁹.

Значительные размеры территории Урала и Западной Сибири, количество населения, его повышавшаяся мобильность в связи с железнодорожным строительством, а также запасы природных ресурсов и развитая промышленность делали данный регион стратегически важным для России в целом. Этими причинами объясняется повышенный интерес государства к стабильности обстановки в регионе. Если на Урале потенциальную угрозу существовавшему государственному строю представляли рабочие промышленных предприятий, обнищавшие в результате промышленного кризиса и нерешенного земельного вопроса, то в Западной Сибири эффективному государственному управлению препятствовали малая плотность населения и обширная территория, а также значительная доля нерусского населения, как правило, не знавшего русский язык. Повышенного внимания требовали и ссыльные, так как зачастую организовывали противоправительственную агитацию. В таких условиях для сохранения стабильности и правопорядка как в целом в России, так и на Урале и в Западной Сибири повышалась роль полиции.

¹²Рябухин Е.И. Указ. соч. – С. 103.

¹³Известия Оренбургского общественного управления. – 1911. – №12.

¹⁴Сборник узаконений и распоряжений, касающихся обязанностей полиции. – Ч. 3. – 1880. – С. 1.

¹⁵Сапожникова В. Географический очерк Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: Сборник статей / Под ред. И.С. Мельника. – СПб, 1908. – С. 2.

¹⁶РГИА, ф. 1284, о. 194, д. 98, л. 3–4.

¹⁷Красильников С.А. Население Сибири в XX в. // <http://www.siberheritage.nsc.ru/article.php?id=34> 26 июля 2004 г.

¹⁸Красильников С.А. Население Сибири в XX в. // <http://www.siberheritage.nsc.ru/article.php?id=34> 26 июля 2004 г.

¹⁹Ремнев А.В. Административная политика самодержавия в Сибири в XIX – начале XX вв. Дисс. ... д.и.н. – Омск, 1997. – С. 498.

В начале XX в. систему полицейских учреждений страны составляли органы наружной и политической полиции. К первым относились полицейские чины общей полиции; с 1903 г. – полицейская стража, главной задачей которой являлось пресечение антиправительственных выступлений с тем, чтобы не отвлекать основные силы полиции²⁰; с 1908 г. – сыскные отделения, кроме того, раскрытием общеуголовных преступлений занималась и железнодорожная жандармерия. Борьбой с политическими преступлениями занимались жандармерия и районные охранные отделения, которые стали создаваться в начале века. Причем, как отмечал А.А. Лопухин, директор Департамента полиции с 1902 по 1905 г., деление полиции на наружную и политическую принято «только одним русским законодательством. Ни в одном иностранном государстве отдельной политической полиции не существует»²¹.

Направлять и координировать работу полиции империи был призван Департамент полиции. Он состоял из делопроизводств, руководивших отдельными сторонами его деятельности. Количество делопроизводств изменялось в зависимости от ситуации в стране. В 80-е гг. XIX в., например, в состав Департамента входили 5 делопроизводств: распорядительное, законодательное, секретное, судебное и исполнительное делопроизводства. К концу своего существования в феврале 1917 г. Департамент полиции включал в себя уже девять делопроизводств и несколько отделов²².

К компетенции общей полиции законодательство рассматриваемого периода относилось очень широкий круг полномочий, начиная от непосредственной борьбы с преступностью и заканчивая административной деятельностью в силу того, что под полицейской деятельностью в дореволюционной России понималась не только охрана правопорядка, но и общее управление. Следствием этого явилось увеличение роли канцелярии и объема бумажной работы, так как из центра все документы

направлялись в полицейские управления и лишь потом распределялись по специализированным органам²³. Все это снижало эффективность выполнения полицией главной задачи – охраны правопорядка.

Большинство авторов, в том числе дореволюционных, сходятся во мнении, что полиция в начале XX в. имела практически неограниченные полномочия²⁴, это признавали и сами полицейские начальники. В частности, А.А. Лопухин отмечал: «При мелочном определении всех обязанностей полиции, распространяющихся на все области жизни граждан, закон вполне естественно не мог установить главного: пределов власти полиции. Кому предписано вмешательство во все, того власть не может быть ограничена»²⁵.

Структура полицейских органов строилась сообразно с административно-территориальным делением государства. Вся территория Российской империи делилась на генерал-губернаторства, губернии, уезды, города, волости, сельские общества. Отличительной чертой губерний было непосредственное подчинение действовавших в них административных органов центральной власти; органы же, действовавшие в уездах и волостях, были подчинены губернским, а в отношениях между собой характеризовались иерархичностью. Города представляли собой самостоятельные административные единицы в полицейском отношении и в отношении самоуправления. Обособленное полицейское управление характеризовало губернские города, в которых во главе стоял полицмейстер, назначаемый губернатором. Город делился на части, которыми руководили частные приставы. В каждой части, кроме того, полагались помощники пристава и полицейские надзиратели²⁶.

Уездные города и уезды в полицейском отношении были объединены «Временными правилами об устройстве полиции в городах и уездах по общему учреждению управляемых», изданными 25 декабря 1862 г.²⁷ и продолжавшими действовать с некоторыми изменениями вплоть до рево-

²⁰Рубцов С.Н. История российской полиции: Учебное пособие. – Иркутск, 1998. – С. 178.

²¹Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. – М., 1907. – С. 13-14.

²²Лурье Ф. Полицейские и провокаторы. – СПб., 1992. – С. 96-97.

²³См., напр.: В.В. Ивановский. Учебник административного права: Издание II, исправленное и дополненное. – Казань, 1907.

²⁴См., напр.: Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. – М., 1978. – С. 19; Сизиков М.И., Борисов А.В., Скрипилев А.Е. История полиции России (1718-1917 гг.). – Вып. 2. – М., 1992. – С. 35; Борисов А.В., Дугин А.Н., Мальгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995. – С. 54; Рубцов С.Н. История российской полиции: Учебное пособие. – Иркутск, 1998. – С. 180; Сичинский Е.П. Страницы истории полиции дореволюционного Челябинска. – Челябинск, 1999. – С. 58; Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. – М., 2001. – С. 95-96 и др.

²⁵См.: Рубцов С.Н. История российской полиции: Учебное пособие. – Иркутск, 1998.

²⁶Борисов А.В., Дугин А.Н., Мальгин А.Я. и др. Полиция и милиция России: страницы истории. – М., 1995. – С. 48.

²⁷История полиции России: краткий исторический очерк и основные документы: Учебное пособие. – М., 1908. – С. 107.

люции 1917 г.²⁸ Допускалось подразделение уездных городов и уездов на участки для более эффективного осуществления управленческих и правоохранительных функций. Вновь объединенные органы городской и сельской полиции стали называться уездным полицейским управлением. Главы уездной полиции, согласно «Временным правилам...» стали назначаться правительством, а не избираться местным дворянством и непосредственно подчинялись губернатору и губернскому правлению. Последние имели право давать полицейским управлениям, уездным исправникам и полицмейстерам указы, распоряжения и предписания, а в особых случаях непосредственно обращаться к отдельным станovým приставам²⁹. Соответственно губернская полиция была подчинена губернатору и губернскому правлению, уездная – уездному полицейскому управлению и исправнику, в станах – станovому приставу³⁰.

Эффективному выполнению полицией возложенных на нее обязанностей должно было способствовать более тесное привлечение к проведению дознаний волостного и сельского начальства, представители которого рассмотрены ниже. Однако на практике это оказалось малоэффективным ввиду их некомпетентности. Помимо этого, охране правопорядка должна была способствовать созданная по закону 5 мая 1903 г. в 46 губерниях полицейская стража.

Единоличным органом власти в волости, на который возлагалось выполнение полицейских функций, являлся волостной старшина, избираемый волостным сходом и утверждаемый в должности земским начальником, а там, где такой должности нет, мировым посредником или уездным по крестьянским делам присутствием. Волостной старшина являлся ответственным за сохранение общего порядка и спокойствия в волости, «следовательно, он есть орган полиции безопасности, подчиненными ему должностными лицами служат сельские старосты; полицейские обязанности старшины закон определяет столь же широко, как и обязанности чинов общей полиции»³¹. Полицейскими функциями круг обязанностей старшины не ограничивался, на него возлагались также иные обязанности по вопросам хозяйственного управления, благосостояния, финансов и др. В 1908 г.

был издан закон «Об организации сыскной части», который вводил органы, специализировавшиеся на проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Борьбой с политическими преступлениями в начале прошлого века занимался отдельный корпус жандармов, общее руководство которым осуществлял министр внутренних дел. Он одновременно являлся шефом жандармов, командиром корпуса был один из его товарищей (заместителей). Строевой частью ведал штаб, а всей розыскной и наблюдательной частью – Департамент полиции.

Вся деятельность корпуса жандармов осуществлялась через губернские и областные жандармские управления и жандармские полицейские управления железных дорог. Жандармские отделения входили в систему МВД, однако были совершенно независимы от губернаторов. Руководство областными и губернскими жандармскими управлениями осуществляли начальники управлений, которые координировали деятельность политической полиции в губернии. При управлениях также имелась канцелярия. В уездах каждой губернии имелись помощники начальников губернских жандармских управлений.

Специальными органами, занимавшимися политическим розыском, являлись охранные отделения, которые начали создаваться еще с конца XIX в. с введением в 1883 г. положения «Об устройстве секретной полиции в Империи», по которому охранные отделения создавались в крупнейших городах государства. Окончательно охранные отделения оформились в 1902 г. с принятием «Положения о начальниках розыскных отделений». Это положение разграничивало компетенцию охранных отделений и жандармских управлений, указав, что жандармы занимаются производством дознаний по политическим преступлениям, а розыскные отделения – исключительно оперативно-розыскной деятельностью. В 1903 г. многие розыскные отделения были переименованы в охранные, в их руках сосредоточился политический сыск, наружная и внутренняя агентура³².

На протяжении всего рассматриваемого периода совершенствовались методы деятельности как общей, так и политической полиции, их штаты росли, увеличивались расходы на их

²⁸Шелкопляс В.В. Карательный аппарат России во второй половине XIX в. – Минск, 1994. – С. 7.

²⁹Сичинский Е.П. Формирование и развитие органов полиции на Южном Урале // История правоохранительных органов России: Сборник научных трудов / Под ред. Е.П. Сичинского. – Челябинск, 2000. – С. 13-14.

³⁰Большая энциклопедия. – Т. 15. – СПб, 1903. – С. 378.

³¹В.В. Ивановский. Учебник административного права: Издание II, исправленное и дополненное. – Казань, 1907. – С. 117.

³²Губернское жандармское управление: Пособие по курсу «История государства и права» / Уфимский юридический институт МВД РФ; Д.А. Сафонов. – Уфа, 1999. – С. 7.

содержание. В начале XX в. царское правительство делало акцент на развитии политической полиции – жандармерии и охранных отделений, в связи с чем их положение было значительно лучше, чем положение органов общей полиции и уголовного сыска, которые должны были помимо выполнения собственных функций также оказывать в известной мере содействие полиции политической. Практически все полицейские учреждения в дореволюционной России в силу роста социальной нестабильности, количества и опасности совершаемых преступлений ощущали нехватку кадров, а также финансовых средств, которые требовались для поддержания порядка в стране. Указанные тенденции были характерны также для Урала и Сибири.

Структура органов общей полиции в уральских и сибирских губерниях в основном строилась по общероссийскому типу. Однако большая, по сравнению с центральными губерниями, ограниченность ресурсов, а также удаленность региона обусловили отсутствие некоторых подразделений. Следует отметить также, что на Урале и в Сибири полицейские органы развивались, как правило, медленнее, чем в центре, и в основном повторяли изменения в структуре и деятельности центральных полицейских органов, зачастую со значительным опозданием, хотя имелись и исключения. Результатом усилившейся в начале XX в. социальной и политической напряженности, вызвавшей рост массовых выступлений и общеуголовных преступлений, а также отставания законодательства от требований времени явилась нехватка полицейских кадров. Особенно она проявилась в период революции 1905-1907 гг. Для компенсации недостатка полиции использовались воинские части.

В Оренбургской губернии спешно приступили к формированию казачьих полков Оренбургского войска второй и третьей очереди для поддержания общественного порядка. Сотни 7-го и 8-го второочередных полков и 13, 15, 16, 17 и 18-го казачьих полков третьей очереди были размещены по заводам и городам Урала и Поволжья, вскоре к ним присоединились вернувшиеся с войны полки льготной дивизии³³. Были мобилизованы также полки всех трех очередей Астраханского казачьего войска, весь личный состав Уральс-

кого, Сибирского казачьих войск. Казаки Урала и Сибири несли службу также и в составе лейб-гвардии сводного казачьего полка в Петербурге, Павловске и Гатчине. Оренбургский казачий дивизион – в Гельсингфорсе³⁴.

Казачьи части осуществляли охрану важных объектов – Сибирской железной дороги, промышленных предприятий, шахт, рудников. Практически во всех крупных городах Сибири, Урала и Поволжья, во многих заводских поселках находились казачьи части, переданные в ведение губернаторов для поддержания порядка и пресечения революционных выступлений рабочих³⁵. Казачьи части широко использовались и для борьбы с аграрным движением. Крестьяне громили и жгли помещичьи имения, занимались порубкой частновладельческих лесов, производили потравы, самовольные покосы и вывозы сена. Только с мая по август 1905 г. крестьянские волнения имели место в 15 волостях Уфимской губернии³⁶. Уфимский губернатор Цехановецкий в своих воспоминаниях отмечает также преимущество казаков перед другими воинскими и полицейскими командами. Он пишет: «Я отправлял телеграмму за телеграммой министрам – военному и внутренним дел, настаивая на безусловной необходимости присылки трех казачьих эскадронов в Уфимскую губернию, чтобы быть в состоянии везде поддерживать порядок»³⁷.

Кроме казачьих частей для пресечения демонстраций привлекались регулярные войска³⁸. Для охраны порядка на промышленных предприятиях создавались соответствующие должности исправников. Законодательство разрешало также заводууправлению нанимать для охраны заводов за свой счет стражу, которая, тем не менее, была подчинена полицейским чинам. Учитывая опыт первой революции и неразрешенность социальных противоречий, управляющие заводами активно пользовались этим правом. Например, в 1916 г. в Верхотурском уезде в Надеждинском заводе 21 полицейский чин содержался на средства Богословского округа, 27 чинов – за счет казны и 20 человек ингушей нанято заводоуправлением в помощь полиции; в Богословском заводе за счет казны содержалось 7 полицейских чинов, на средства Богословского округа – 3 пеших стражника, управлением Бо-

³³РГВИА. Ф.1720. О.2. Д.70. Л. 17 – 18.

³⁴Галушко Ю. Казачьи войска России. – М., 1993. – С. 127 – 140.

³⁵Революция 1905-1907 гг. в Прикамье. – Пермь, 1955. – С. 180.

³⁶История казачества Азиатской России. – Т. 2. – Екатеринбург, 1995. – С. 89.

³⁷Там же.

³⁸История Урала в период капитализма. – М., 1990. – С. 275.

гословского горного округа нанято в помощь чинам полиции 16 конных ингушей и т. д.³⁹

Показательными являются события в Пермской губернии на Лысьвенском заводе в 1914 г. Суть их заключается в том, что при продаже завода прежними хозяевами было выделено 350 000 руб. на «разные просветительные и благотворительные нужды». После объявления военной мобилизации рабочие организовались и стали требовать выдачи этих денег. Постепенно требования переросли в угрозы, и начались беспорядки, в результате которых в числе прочих были убиты исправник, полицейский надзиратель, урядник и два стражника. Направленная из Перми помощь в силу удаленности завода прибыла на место после окончания беспорядков. Об отношении же населения к полицейским чинам можно судить по тому, что толпа продолжала издеваться даже над их трупами⁴⁰. Аналогичные события происходили в Лайском заводе той же губернии⁴¹ и на ряде других предприятий Урала. Но, несмотря на принимаемые государственными органами и частными лицами меры, массовые беспорядки на Урале продолжались вплоть до 1917 г.

Изменение оперативной обстановки требовало от полиции совершенствования методов работы. Одним из направлений такого совершенствования являлось развитие негласной работы. Ее значение повысилось с развитием массовых беспорядков в регионе, для предупреждения и ликвидации которых от полиции требовалось быть всегда осведомленной о настроении населения на подведомственной территории, а также об основных причинах недовольства среди населения. Так, в рапорте пермскому губернатору верхотурский уездный исправник указывал на необходимость строгой осведомленности чинов полиции о настроении населения, для чего нужна сеть осведомителей (и соответственно средства на ее организацию), недостаточность полицейских стражников, порядок применения⁴² оружия для подавления беспорядков.

Загруженность общей полиции несвойственными административными функциями препятствовала выполнению полицией ее главной задачи, заключающейся в охране внешнего порядка и безопасности и пресечении преступных де-

яний⁴³. Это осознавалось как в центре, так и на местах. Возникла объективная необходимость создания в масштабе всей страны специального органа, для которого розыск преступников был бы основным направлением деятельности. Следуя общероссийским тенденциям, на Урале и в Сибири в начале XX в. стали создаваться сыскные отделения. Следует отметить, что местные власти и полицейские управления не стали дожидаться издания в 1908 г. соответствующего закона. Поэтому развитие органов общей полиции и уголовного сыска в регионе во многом было обусловлено личными качествами сотрудников и руководителей местной полиции.

Потребность в организации учреждений уголовного сыска и отставание МВД в ее реализации рождали инициативы по созданию сыскных отделений и в других местностях. 25 сентября 1907 г. оренбургский полицмейстер в связи с участвовавшими в городе кражами, грабежами, случаями хулиганства и ограниченными возможностями общей полиции пресечь эти преступления обратился с рапортом к оренбургскому губернатору с просьбой об организации сыскного отделения. В качестве опыта предполагалось использовать практику Уфы, где по решению губернатора местный полицмейстер составил не предусмотренное штатами сыскное отделение, выделив для этой цели из общего состава чинов полиции одного пристава, одного помощника пристава и четырех городских. При сыскном отделении была оборудована фотография и антропометрическое бюро⁴⁴.

В июле 1908 г. был издан закон «Об организации сыскной части», которым регулировалось учреждение сыскных отделений для производства розыска общеуголовного характера в составе полицейских управлений во всех губернских и наиболее значимых городах Российского государства. На Урале и в Сибири также должны быть созданы отделения в Омске, Томске, Оренбурге, Перми, Уфе, Вятке и Тобольске⁴⁵, то есть во всех губернских городах. Законом предполагалось учреждение сыскных отделений четырех разрядов, в зависимости от численности населения обслуживаемого этими отделениями

³⁹ГАСО, ф. 181, о. 1, д. 2, л. 116-124.

⁴⁰Вестник полиции. – 1915. – №49. – С. 889-892.

⁴¹ГАСО, ф. 181, о. 1, д. 6, л. 145-146.

⁴²ГАСО, ф. 181, о. 1, д. 2, л. 113-116.

⁴³МВД. Департамент полиции. №20083. О преобразовании полиции в империи. 1.09.1913.

⁴⁴Сичинский Е.П. Уголовный сыск России в X – начале XX вв. – Челябинск, 2002. – С. 72-73.

⁴⁵Собрание узаконений и распоряжений правительства. 15 июля 1908 г., №101. Ст. 730.

района. В рассматриваемом регионе создавались отделения третьего (в Оренбурге, Перми, Томске, Уфе) и четвертого разряда (в Вятке и Тобольске). Штат отделений третьего разряда согласно закону состоял из восьми человек – начальника, 3 полицейских надзирателей и 4 городских; четвертого разряда – из шести – начальника, 2 полицейских надзирателей и 3 городских.

Следует отметить, что работа сыскных отделений была, как правило, более квалифицированной, чем общей полиции в целом. Это объяснялось прежде всего целями создания данного органа и его задачами. Соответственно в деятельности этих отделений в большем объеме применялись достижения в деле раскрытия преступлений и розыска преступников. В частности, в уголовном сыске начинают использоваться служебные собаки⁴⁶.

Кроме развития негласных методов работы, организации агентурной сети и взаимо-

действия с ней в сыскных отделениях Урала и Западной Сибири, как и в других губерниях, развивалась система регистрации преступников. Анализ периодических изданий начала прошлого века и статистических данных показывает, что с 1911 по 1914 г. сыскными отделениями Оренбурга и Томска было обнаружено «более или менее значительное количество рецидивистов», в сыском отделении Вятки было зарегистрировано за этот же период менее 100 преступников. В течение указанного периода не было «удачных случаев применения дактилоскопии» ни в одном сыском отделении рассматриваемого региона. Значительное уменьшение суммы разысканных денег и вещей было отмечено в отношении Омского сыского отделения⁴⁷. Соответственно развитие регистрации уголовных преступников осуществлялось в регионе неравномерно и не всегда соответствовало требованиям времени.

---

⁴⁶Так, к 1914 г. в Вятской губернии было 6 полицейских собак и 4 дрессировщика, в Оренбургской – 3 собаки и один дрессировщик, в Пермской – 3 собаки и 3 дрессировщика, в Томской – 5 собак и 2 дрессировщика, в Уфимской – 21 собака и 4 дрессировщика⁴⁶. Таким образом, практически во всех губерниях региона на службе в полиции имелись специально обученные собаки и, соответственно, дрессировщики. (Вестник полиции. – 1914, №27, С. 410-411).

⁴⁷Вестник полиции. – 1915, №42, С. 1325.